

Танкер «Дербент»: Сброд -4

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Сброд -4 4.

Евгений Степанович Кутасов, стоя у окна своей каюты, наблюдал, как жена раскладывала на столе покупки: пачку журналов, бутылки вина, кофе.

Сквозь полуопущенную штору мерцали огни города. Иногда их заслоняли плотные клубы дыма, словно облака падали на землю и вползали по улицам в город.

– Тебе привет от Солнцевых, – сказала Наталья Николаевна, – и еще от Дынника, и от Симочки с мужем. Ты слышишь меня, Евгений?

С пристани доносились крики и скрежет крановых цепей. По стеклу бродили тени, длинные и лохматые, как паучьи лапы. Люди, которых назвала жена, все были старые сослуживцы по отделу учета.

– Милые люди, – сказал Евгений Степанович растроганно, – передай же им, Наташа, передай...

Кто-то торопливо пробежал снаружи по коридору и постучал в дверь.

– Кто это? – спросил Евгений Степанович. – Чего надо?

– Все приготовлено к погрузке, Евгений Степанович, шланги поставили... Разрешите наливать?

– Наливайте.

Евгений Степанович постоял минуту в нерешительности перед дверью, трогая задвижку. Шаги удалялись в конец коридора. Внезапно Евгений Степанович распахнул дверь и крикнул вдогонку:

– Постойте, дружок! Спросите Касацкого. Он на вахте, Касацкий, его и спросите.

– Есть... спросить Касацкого, – донеслось в ответ.

Наталья Николаевна внимательно наблюдала мужа.

После небольшой паузы она спросила:

– Кто такой Касацкий, Евгений?

– Как тебе сказать, – Евгений Степанович подумал немного. – Касацкий – первый помощник. Он уважает меня, и мы понимаем друг друга. Что в нем приятно, так это врожденное чувство такта и большая культура. Кажется, на него можно положиться. Вот и выкручиваемся вдвоем в этом бедламе.

– Я потому спросила тебя, – сказала Наталья Николаевна, – что мне кажется, будто у вас не все ладно.

В дирекции поговаривают насчет «Дербента»... Не слишком ли ты доверяешь людям, Евгений?

Кутасов оглянулся на дверь, потом на окно. Его лицо разом изменилось, утратив старческое благообразие. Появилась зыбкая страдающая улыбка, морщины у рта выразили обиду и усталость.

– Я сам немного обеспокоен, дружок, – заговорил он, таинственно понижая голос, – мне иногда кажется, что вокруг меня действительно что-то происходит. Все эти люди... пока я вижу их и говорю с ними, мне не верится, что они могут обмануть меня. Но когда я остаюсь один...

– Не волнуйся. Когда ты один?..

– Все выглядит иначе. Я не так доверчив, как кажется. Вчера мы радировали о неблагоприятной погоде, потому что безобразно опаздывали. Никакой особенной погоды не было, – так, небольшой ветер. Касацкий мастер уговаривать, и он всегда берется составлять такие телеграммы. Но на этот раз вышло нехорошо...

Наталья Николаевна вскипела:

– Зачем же ты согласился, чужак? Ведь нехорошо, ведь подло? Зачем ты поддался!

– Ч-ш-ш... не кричи, пожалуйста. Ну, согласился, потому что неудобно в самом деле. Черт знает, отчего опоздали! Почему-то долго не подавали баржи на рейде. Плохо работали насосы. Это не по моей части... И вообще у нас все идет вяло, какой-то всеобщий упадок. Отдел кадров поторопился с набором команды. Очень неудачный состав.

Он помолчал и уныло поковырял ногтем пятнышко на рукаве.

– Все надоело, Наташа, а пуще всего постоянная тревога. Набрали рвань, галахов, кабацких заправил. Судно новое, масса механизмов, в трюмах горячий груз. Кажется, крикни кто-нибудь «пожар» – сердце лопнет!

Помполит болен, Касацкий выкручивается, старший механик Басов старается подтянуть мотористов. Кстати, этот человек невзлюбил меня, не понимаю за что. Кажется, уж со всеми я ласков, для каждого в запасе доброе слово. А он смотрит волком и едва отвечает на вопросы. Касацкий говорит, что он ненормальный, но это неверно. Может быть, он наблюдает за мной... Так ты сказала, будто какие-то ходят слухи?

В зеркале напротив увидел Евгений Степанович свое постаревшее и печальное лицо. Ему стало вдруг до слез жалко себя: ведь обманывают, пакостят, распускают слухи, а ему ничего не надо, и он всем желает добра. Виноват ли он, что не знает дизелей и насосов, что он деликатен, не умеет быть резким с людьми?

Евгений Степанович чувствовал приближение того размягченного настроения, которое бывает у него только в присутствии жены и которое всегда кончалось мягкими самообвинениями с его стороны и протестами — с ее.

— Я не способен насиловать чужую волю, Наташа, — начал он жалобно. — Я страдаю от конфликтов и испытываю удовольствие, когда уступаю в чем-нибудь человеку. К несчастью, жизнь требует иного...

Он ожидал возражений, утверждающих линию его характера и освобождающих его от недовольства собой. После этого он чувствовал бы себя легко, как ребенок, который выплакался на груди у матери. Но Наталья Николаевна вдруг заторопилась.

— Чуть не забыла, — сказала она, вставая, — держу в руках и держу. Чистый платок, Евгений, возьми-ка!

Она пригладила его волосы и поцеловала. Она торопилась, словно боясь, что он может заговорить опять.

— Все обойдется как-нибудь, — сказала она кротко. — Пожалуйста, не забывай на ночную вахту надевать тулуп. Ночи все еще очень холодные. Пора. И знаешь, Евгений, мне кажется, что тебе следует сейчас пойти на мостик... Powestler